

между этими двумя неравными политическими силами. Правда, оно не всегда лежало на поверхности и лишь порой приобретало острый характер. Противоречия классового и политического характера создавали в общественной жизни Александрии ту беспокойную атмосферу, которая не могла остаться незаметной для древних историков²¹, а особенно усилилась к концу эры Птолемеев.

Сегодняшняя Александрия не забыла своего античного прошлого. Улицы и площади современного города носят имена Клеопатры, Антония, Августа. Сохранились остатки Серапеума и так называемая Помпеева колонна. Проводятся археологические раскопки. В Музее греко-римских древностей хранится много памятников искусства и материальной культуры, богато иллюстрирующих историю города. Здесь находится одно из лучших в мире собрание Танагрских статуэток.

Пронесли и канули в Лету бурные столетия. Возникали и исчезали целые цивилизации. Ушли в прошлое имена многих могущественных правителей. Всевластное время по-своему царствовало и над Александрией: оно вынуждало ее многократно менять свой внешний облик, но так никогда и не смогло отнять у этого поистине «вечного города» жизнь и имя.

А. Ейне

²¹ Страбон. Указ. соч., XVII, 1, 11; Полибий. Указ. соч., XXXIV, 14; Cassii Dionis. Cocceiani. Historiarum Romanorum quae supersunt. Berolini. 1895—1931, XXXIX, 58; LI, 17.

У исторической карты народов мира

ЧУДЬ ИСТОРИЧЕСКАЯ И ЧУДЬ ЛЕГЕНДАРНАЯ

У многочисленных преданий о «чуди», о «народе чудском» своеобразная судьба: возникнув на почве реальных фактов и событий в период становления древнерусской государственности и первых походов новгородцев на северо-восток, эти предания обрели затем самостоятельную жизнь и, будучи ярко расцветшими народной фантазией, дожили в фольклорной форме до наших дней. Однако даже у взыскательных ученых эти легенды пользуются неизменным почтением хотя бы потому, что сюжеты «чудского» цикла имеют преимущественное распространение на территории, которая с отдаленных времен была заселена северными племенами «уральской» языковой семьи. Здесь, к северу от Верхней и Средней Волги, на широких просторах от Прибалтики до Урала местная топонимия изобилует названиями озер, речек, возвышенностей, полей и водораздельных волоков, в которых наличествует соответствующее имя собственное («Чудское», «Чудово», «Чудинова», «Чухчина»).

Кто из нас не знает озера русской славы — Чудского (в новгородских документах — «Чюцкого»; в немецко-ливонском варианте «Eestenschen See» — Эстонское озеро)? Но озеро с таким названием в нашей стране — далеко не единственное. В пределах Архангельской области и Коми АССР есть несколько небольших озер — Чудопицкое, Чудинты, с которыми местная молва связывает представление о «чудах», некогда здесь живших либо погибших. Или взять такие памятные места, как «чудские» городки, могилы, печища, копи, рассеянные по всему Европейскому Северу, вплоть до Приуралья. Археологи обнаруживают среди северных лесов, топей и болот следы древней культуры. Правда, наука свидетельствует, что памятники эти — одновременные и разнохарактерные (от неолита до средневековья) и, естественно, были оставлены различными этническими группами. Тем не менее народная память на Европейском Севере настойчиво приписывает эти культурные остатки исключительно исчезнувшим «чудским людям».

Не передать всех до сих пор бытующих среди русских поморов побывальщин

о чуди, нередко наделенной эпитетом «белоглазая». В свое время их, надо полагать, достаточно слышался помор М. В. Ломоносов, который писал: «Сию древность тамошней чуди доказывают и поныне живущие по Двине чудского рода остатки, которые через сообщение с новгородцами природный свой язык позабыли»¹. В народной же массе многие северодвинские, мезенские и печорские предания о чуди вылились в суеверные представления. Вот незамысловатый рассказ старого кормщика, вынужденного зазимовать у негостеприимных берегов Новой Земли. «Ходим по островам — нет нигде нам места. То высоко — дуван, а под скалами больно пещер много. В них кости человеческие. Столько этих костей, что даже страшно». «Какие кости?» «Белоглазой чуди. Чудь там прежде жила. Она от потопа осталась. Да и теперь еще проживает, только от человеческих глаз скрывается. Слышно, когда кричит, слышно, когда ее собаки лают. Только увидеть ее трудно. Когда летом и увидишь издали, как она на лодке рыбу промышляет... А стал доплывать, она от тебя в пещеры... Не нашли мы тогда места подходящего на островах. Зазимовали на шхуне. Как наступили потемки среди зимы, стали мы замечать: кто-то ровно ходит, осторожно ходит по палубе. Медведь? А следов нет. Для песка больно тяжело. Снег поскрипывает, как будто человек ходит. И вспомнили мы про белоглазую чудь, про черепа ихние, что видели осенью в пещерах. Боялись мы, страшно было»².

Любопытно в этом рассказе то, что в нем отразились и древнерусские представления о «человеках неизвестных на Восточной стране», за Югорщиной (Урало-Обской областью), и предания местных народов — ненцев и хантов — о неких прибрежных людях «сиртях», которые «лете месяц живут в море, а сухе не живут того для». В письменной традиции эти легенды восходят и к арабским записям IX—X вв. и к летописной передаче под 1096 г. рассказов ладожан, ходивших в Югру и слышавших от югричей, что «дивно мы находим чудо» — спрятавшихся в каменные недра Северного Урала аборигенных охотников (по-ненецки — «сиртя») ³. Столь сложные реминисценции близких друг другу «чудских» сюжетов, имеющих в действительности отношение к различным этническим группам, затрудняют раскрытие «чудской» проблемы в ее первоначальной реальности. Но дело это не безнадежное, если к нему подойти во всеоружии исторических источников.

Прежде всего несколько филологических соображений. Наименование «чудь» живо перекликается со словами «чужой», «чудо», а через реконструируемую лингвистами древнюю форму «кудо» (что является переогласовкой к «чудо») — с понятиями «кудесъ» — «колдовство» и «кудесник». В севернорусских говорах словарь В. Даля фиксирует такие примечательные формы: «чудый» — странный, непонятный; «чудака», «чудь» — странный и чужой; «чудачить» — идти против обычая людей (русских). Исходя из этого, резонно предположить, что в глазах русского человека «чудь», «чудака» действительно был чужим как по этническому происхождению, так и по странным, непонятным его обычаям и вере. Однако исторически происхождение этнонима «чудь» куда сложнее. Слово это — общеславянское и в значении «чужой» образовано от древней основы *tjudь*, которая, в свою очередь, считается заимствованием из готского языка, где оно значило просто «народ». В этой связи вспомним известие готского историка Иордана (VI в.) о покорении германцами племени *thiudos* в какой-то местности *Aunxis*, в той же стране, где жили *vas* (весь), *merens* (меря), *mogdens* (мордва) ⁴. В науке давно выдвинуто предположение, что речь идет о финноязычных племенах, расположившихся от Волжско-Окского междуречья до Прибалтики.

Филологический анализ можно продолжить на материалах западнофинского языкознания. Русское население Архангельской области в качестве синонима понятия «чудь» употребляет выражение «чучка», «чуча», «чухарь». Основа этих слов звучит, как чухча, что по форме и значению соотносится с севернофинским «глухарь». Еще совсем недавно русские Карелии называли «чухарями» (то есть «глухими к русскому языку») небольшой народ *вепсов*, живущий между Ладожским и Онежским

¹ М. В. Ломоносов. Соч. Т. VI. М.-Л. 1952, стр. 196.

² А. К. Покровская. К Новой Земле. М. 1933, стр. 9.

³ Подробнее см.: Л. П. Лашук. «Сиртя» — древние обитатели Субарктики. «Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии». Сборник статей. М. 1968.

⁴ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М. 1960, стр. 265. Чтение текста и комментарий к нему даны по Е. Ч. Скржинской.

озерами, язык которого в официальных документах считался «чудским». Вот мы и подошли к разгадке происхождения этнонима «чудь», который в наибольшей степени связан с прибалтийско-финским населением.

Посмотрим, что дают на сей счет показания письменных источников, например, «Повесть временных лет». Последней хорошо известна чудь, и к тому же не в одном месте обитания. Русь и чудь — непосредственные соседи, но чудь, как «Ляхъве же и Пруси», больше тяготеет к Прибалтике: «Преседаять к морю Варяжскому». Чудь прежде других племенных группировок подверглась варяжскому нашествию: «Имаху дань Варязи из заморья на Чюди и на Словенех, на Мери и на Всехъ, и на Кривичехъ». Примечательно известие под 1030 г. о том, что «иде Ярослав на Чюдь, и победи я, и постави град Юрьев» (то есть Тарту). В конце XII в. «избиша Пльсковичи Чюдь поморскую... около порога в озеро», — свидетельствует Новгородская первая летопись. Для русских летописцев чудь — это прежде всего финноязычное население, жившее между Чудским озером и Варяжским морем. Оно исторически явилось этнической основой эстонского народа. Но в Прибалтике обитали и другие родственные друг другу племена (ижора, водь), тоже, видимо, относимые к числу «чудских».

В целом сообщения летописей о чуди лаконичны, но в тексте под 1071 г. древний автор вдруг дает живую этнографическую зарисовку шаманских действий чудского волхва: «Приключися некоему новгородцю прити в Чудь, и приде к кудеснику, хотя волхвованья от него; он же по обычаю своему нача призывати бесы в храмину свою. Новгородцю же седящу на порозе тояже храмины, кудесник же лежаше оцепенев, и шибе им бес»⁵. Где могло находиться место этого действия? Да везде, где новгородцы, сами только что вышедшие из язычества, могли столкнуться с живыми обычаями дохристианских верований финноязычного населения и его шаманами — «кудесниками и чаровниками».

Такое население существовало во многих новгородских волостях. Однако, помимо прибалтийской чуди, «Повесть временных лет» называет только «Заволочскую чюдь», которой в XII—XIII вв. управляли «мужи новгородские». Изучение документов говорит о том, что старинное Заволочье — это область, лежавшая к востоку от Онежского озера, в бассейнах рек Онеги и Северной Двины со стоком в Белое море. С этой местностью связано наибольшее число письменных свидетельств о пребывании здесь чуди.

Правда, новгородцы, хорошо знавшие нерусское население Заволочья, в официальных документах упоминали о нем вскользь, считая, в частности, достаточным отметить, что «тые земли на Пинезе, Кегролу, и Чаколу, и Пермские, и Мезень, и Пильи горы, и Немьюгу, и Пинешку, и Выю, и Суру Поганую поймали за себя наши братья ноугородци и вас (то есть местных жителей. — Л. Л.) к целованию привели на новугородское имя»⁶. Но сами названия этих земель указывали на первоначально нерусское их происхождение. Примечательна «Сура Поганая» в верховьях реки Пинеги, видимо, дольше других волостей заселявшаяся «закоренелыми язычниками». До сих пор здесь русские жители вспоминают о чуди, бежавшей на соседнюю коми-зырянскую землю по течению реки Вашки.

Куда более многословными были авторы «житийной» литературы об основателях видных монастырей. Начиная с XIV в. монастыри проводили энергичное освоение Европейского Севера и развернули активную религиозную деятельность в этих местах. Во времена миссионера Лазаря Муромского «живущие тогда именовались около озера Онего Лопляне и Чудь, страшные сыроядцы близ места сего живяху», но постепенно «отыдоша от места сего в пределы океана-моря». В «Житии» Кирилла Челмогорского, обосновавшегося в 1316 г. в местности к западу от г. Каргополя, у большого Лёкшмозера, сказано, что тут «бяху же инии еще не крещении живущие в окрестных местах, имяху чюдский язык и веру; еще бо в то время православие начинаша процветати в месте том... Но потом помале — вси чюдяне восприяша святое крещение»⁷.

Впрочем, этому тексту, как и вообще всей церковной литературе, полностью доверять нельзя. Сомнительно, чтобы всего за 50 лет «подвижничества» Кирилла и его

⁵ «Повесть временных лет». СПб. 1910, стр. 146.

⁶ «Грамоты Великого Новгорода и Пскова». М.-Л. 1949, стр. 154.

⁷ «Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868—1869 гг.». Петрозаводск. 1869, стр. 6.

небольшой «братии» окрестное население забыло свои обычаи и веру. Даже во второй половине XIX в. церковная летопись Лёкшмозерского прихода отмечала, что прихожане — «не чисто русского племени, а смесь русско-чудского, хотя элементы русского типа преобладают». Как это понимать, нам удалось выяснить в экспедиции 1949 года. Оказалось, что давно обрусевшее «поколение из чуди» деревни Труфановой — внешне более светлое по цвету волос и глаз («чудь белоглазая»), чем потомки «из Руси», которые, ко всему прочему, называли своих соседей «казарой некрещеной» в том смысле, что это какое-то особое «старинное племя». Пожалуй, район Лёкшмозера есть один из примечательных островков обрусевшей чуди.

Видимо, несколькими столетиями раньше, особенно в XIV—XV вв., чисто чудских поселений в Заволочье сохранялось еще довольно много, но располагались они по большей части вблизи глухих озер и мелких речек, тогда как по важнейшим водным артериям — Северной Двине с Пинегой, Онеге и Ваге — широко разливались волны русской крестьянской колонизации. Никоновская и Софийская летописи в XV в. официально еще различают «двинян и заволочан», подразумевая под первыми жителей русских двинских погостов, а под вторыми — остальное население Заволочья, в том числе чудское. Недвусмысленно об этом пишет поздний «Двинский летописец»: «Новопросвещенная же Заволочская чудь реки великая Двины для того преименовавшаяся Двиняне».

И другие документы свидетельствуют о том, что в относительно плотно населенной полосе Северной Двины в XVI—XVII вв. видимые следы «языческой» чуди как будто исчезли. «Житие» Антония Сийского — основателя известного монастыря в 120 км выше Архангельска (1520-е годы) еще знает, что в этой местности «сыродцы и чюди и самоеди живяху», но «задолго лет до вселения преподобного... от места того исчезоша безвестно». Может быть, это и не совсем так, и местные «язычники» разделили судьбу остальной «новопросвещенной заволочской чуди». Однако ровно столетие спустя путешественник Ричард Джемс с уверенностью писал: «Чюди — народ около Колмограда (Холмогор), издревле так называемый, который говорил на языке отличном от самоедов и лопарей; теперь они там больше не находятся»⁸.

Документы XVI—XVII вв. если и упоминают о чем-либо «чудском», то как об объектах заброшенных или перешедших в руки новых владельцев — монастырей и «черных» (государственных) крестьян (хотя, разумеется, последние могли быть и не только русскими по происхождению). Таковы, например, по писцовой книге Яренского уезда 1585 г., озеро «Чудопицкое», давно переданное Вычегодско-Пермскому владичьному двору, «деревня Новоселец, что было чудское городище», «пустошь, что была деревня городок Чюдской», заново распаханые крестьянами коми. Согласно челобитной русских поселенцев на реке Юг (приток Сухоны) середины XVII в., «выше Никольского прихода вверх по Югу реке на речке на Анданге на суземе на черном лесу чудские печища, и лесом те чудские печища поросли большим»⁹.

Одним словом, чудь в XVI—XVII вв. начинает катастрофически исчезать. Ученым XVIII столетия оставалось только фиксировать в гуще севернорусского населения различные версии о «досельной» чуди, которая «жила да вся давно перевелась». Преданиям этим трудно было тогда не верить, ибо по многим рекам, подле озер и на возвышенностях, куда приходили русские, обнаруживались явные следы загадочной культуры, остатки разрушенных земляных городков и дохристианских мольбищ, к которым русское население относилось с почтением и суеверным страхом. Жаль, что изучение этих памятников началось поздно и некачественно, да и сейчас археологи еще сравнительно мало работают на Европейском Севере. Но кое-где, например, в Белозерье, новейшие раскопки уже приоткрыли завесу над той тайной, которая столетиями тяготеет над чудской культурой. Нет, не вся чудь была промысловой и вовсе не была «страшными сыродцами». У Белого озера, где летописи определенно помещают родственную прибалтийским финнам весь, в X—XII вв. обитало земледельческое население с развитым животноводством, прядением и ткачеством, высокой техникой обра-

⁸ П. К. Симони. Заметки Ричарда Джемса о чуди, лопарях, самоедах и черемисах. «Сборник Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей». Т. I. Л. 1929, стр. 126.

⁹ М. Богословский. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. I. М. 1909, стр. 1.

ботки железа и меди. Одежда женщин украшалась здесь шумящими подвесками, в том числе изделиями типа, широко распространенного от Прикамья до Приладожья¹⁰. В свете этих данных ругаются былые представления о чуди как о людях, которые только «жили в лесу, молились пням».

Земледельческо-промысловый и ремесленный уклад хозяйства «чудских» белозерцев способствовал их сравнительно легкому сближению и слиянию с появившимися здесь русскими пришельцами. Белозерское удельное княжество образовалось в середине XIII в., но, по свидетельству немецкого дипломата и путешественника С. Герберштейна, еще в XVI в. аборигены сохраняли свой язык, хотя большей частью говорили по-русски. Поэтому справедлив комментарий В. О. Ключевского: «Это известие застаёт финских туземцев в тот момент, когда они, еще сохраняя черты своей особенности, мирно и постепенно сливались с жившим между ними русским населением»¹¹.

От Белого озера пути русского проникновения в глубь чудских земель пролегали в двух направлениях: через реку Вытегру в Прионежье и через водную систему озер Воже и Лача к истокам Онеги и далее. На ранних этапах освоения этих земель ростово-суздальцы и белозерцы сталкивались с новгородцами. Белозерский край несколько раз был разоряем новгородцами (в 1340, 1393, 1396, 1398 годах). Возможно, что в эти события так или иначе оказались втянутыми и «чудские люди». Не исключено, что тамошняя чудь вступала в военные столкновения с феодальными русскими отрядами, восставая против даней, захвата земель и угодий, против христианизации. Данного вопроса мы касаемся потому, что в Вытегорском и Каргопольском уездах упорно бытовали предания о прежних «русско-чудских» войнах. Вот одно из них, заимствованное в конце XVIII в. акад. П. Б. Иноходцевым из «рукописной тетрадки», которая, «не означая точного времени бытия, называет давнишних жителей сего края (Каргопольщины.— Л. Л.) погаными сыроядцами и белоглазой чудью, кои, приходя в пределы белозерские, делали великие опустошения... Жестокое сие иго терпели белозерцы, доколе не избавил их от оного князь Вячеслав. Собрав войско, обратил он все силы на отражение поганых от пределов своих и, проходя с большим трудом дремучие леса, топи и болота, прогнал чудь до берегов Белого моря». Потом он основал в устье Онеги город Каргополь в качестве форпоста «против бродивших в окрестностях сыроядцев, на которых была наложена дань»¹².

Любопытна и другая легенда: «В Тилманском погосте Вытегорского уезда указывают на Аминтову дорогу, по которой бежали в пределы Каргопольского уезда толпы чуди во главе с вождем Аминты. Они были нагнаны близ берегов оз. Лача и потерпели поражение. В одном из болот, окаймляющих озеро, крестьяне и теперь указывают на чудские могилы. Судя по преданиям, сохранившимся в Каргопольском уезде, главные обиталища чуди были в восточной части — в погостах Вахтомском, Валдиевском, Шожемском и Лелемском. В Валдиеве указывают на одно место, называемое Чудским городком»¹³.

В этом драматическом повествовании, видимо, «что-то есть», но если оно историческое, то очень стародавних времен. Согласно уставным грамотам Ивана IV от 1536 и 1546 гг., на всей Каргопольщине от озера Лача до низовьев Онеги и Беломорья царил спокойная обстановка, наместничья власть была прочной, местные жители занимались торговлей: «Ездят к морю соли покупать... да возят ее в Каргополь, да в Каргополе продают ее белозерцам и вологжанам и иногородцам всех городов Московской земли»¹⁴.

Но вернемся к интересующим нас севернорусским сюжетам, которых так много было записано в минувшем столетии. Ведущая в них тема — судьба покоренной и строптивой «языческой» чуди. В тех местах, где мирная русификация аборигенов заты-

¹⁰ Л. А. Голубева. Археологические памятники веси на Белом озере. «Советская археология», 1962, № 3, стр. 55—57.

¹¹ В. О. Ключевский. Сказания иностранцев о Московском государстве. Пггр. 1918, стр. 200.

¹² «Географическое и историческое описание г. Каргополя». «Олонецкие губернские ведомости», 1879, № 60.

¹³ А. Петров. Заметка о древностях Олонецкой губернии. «Олонецкие губернские ведомости», 1856, № 17.

¹⁴ «Акты Археологической экспедиции». Т. 1. СПб. 1836, № 211.

нулась на столетия и проходила на глазах не столь давних русских поколений, там судьба крещеной чуди была хорошо известна. Так, на Водлозере «сами местные жители помнят, хотя и смутно, свое финское происхождение: одни деревни происходят от «шведов» (так называют там финнов), другие — от чуди, а некоторые — от русских». На озере жители по-прежнему чтят Кинг-остров с какими-то древними могилами: «Этот остров считается священным; он порос лесом и рубить этот лес грешно и опасно, так как убитая чудь отомстит за это»¹⁵.

Чудь, потерпев военное поражение, не желала покоряться и шла на крайнее средство — на самоубийство или, чаще, на самозахоронение целыми группами. Вот один из таких часто повторяющихся сюжетов: «В качестве последней защиты Чудь выкапывала ямы, укрывалась в них настилками на подпорках, и если, отбиваясь в этих ямах, видели они неминуемость поражения, то разрушали подпорки и гибли»¹⁶. Версия о том, что «чудь живьем закопалась», представляет определенный интерес. Заволоцкая чудь обычно хоронила своих покойников в неглубоких грунтовых ямах рядами, так что такие коллективные могильники насчитывали десятки и сотни расположенных бок о бок труположений или трупосожжений. Бренные останки сородичей помещали не в гробы или колоды, а в опущенные прямо в ямы срубы, нередко с деревянными перекрытиями. Сюда же клали оружие покойного, его орудия труда, украшения. Не удивительно, что вследствие оседания почвы, естественных размывов и массовой распахи берегов рек и озер позднейшее население наталкивалось на совершенно чуждый ему обряд захоронения. Остальное дополняла богатая народная фантазия.

Популярным сюжетом, охотно поддерживаемым (а может, и созданным специально) православной церковью, были легенды о массовом бегстве не желавшей креститься чуди, которая не выдержала состязания с миссионерами в спорах по вопросам веры и ушла в отдаленные места, где либо вымерла, либо сохранилась, погрязнув «в прелести идолстей». Все эти представления о чуди были прочно усвоены населением Заволочья (Поморья в широком смысле), и когда поморские землепроходцы и крестьяне в XVII в. в массовом порядке устремились в Сибирь, они понесли с собой и эти легенды, распространяя их содержание на тамошние коренные народы и ископаемые памятники древней культуры. Уже в «Есиповской летописи» (1636 г.) появилась многозначительная запись: «Прежде бо живяше Чюдь по всей Сибирстей земли, а како нарицашеся, того в память никому не вниде».

За разрешение этого вопроса в 1715 г. взялся ученый Г. И. Новицкий. Он тоже не сомневался в том, что «здравле бо zde вниз по Оби и всей стране жителствоваше народ Чютцкий», который погиб из-за своего идолопоклонства в неких ямищах с различными вешами, «ниже обретаются в сих странах Сибирского царства». В общем, Новицким изложены почти те же поморские легенды о самозахоронении чуди¹⁷.

Подведем итоги свидетельствам письменных источников и фольклорных сюжетов о чуди. Для научных разысканий они дают и много и мало: много для различного рода догадок и предположений, но все-таки мало для безупречного подтверждения их фактами. Совершенно ясно, что больше других на Руси о чудском населении знали новгородские словене, в VII—VIII вв. сгруппировавшиеся вокруг озера Ильмень и тогда же распространившиеся по Волхову до Южного Приладожья¹⁸. «Язык земли» — характерные названия Валдай, Ильмень, Нева, Невий Мох, Мста и другие, легко объяснимые из эстонского и прочих прибалтийско-финских языков, — отчетливо показывает, что словене обосновались в гуще чудского расселения¹⁹. Юго-западный угол между Волховом, Свирью, Прионежьем уже тогда, видимо, занимала группировка древних вепсов, юго-восточные пределы которой достигали Шексны и Белоозера²⁰. Для новгородцев это

¹⁵ Н. Н. Харузин. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда, Олонечкой губернии. «Олонечкий сборник». Вып. III. Петрозаводск. 1894, стр. 306, 321.

¹⁶ К. К. Случевский. По Северо-Западу России. СПб. 1897, стр. 167.

¹⁷ Гр. Новицкий. Краткое описание о народе остячком. СПб. 1884, стр. 26—27.

¹⁸ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л. 1966, стр. 284—285.

¹⁹ А. И. Попов. Топонимическое изучение Восточной Европы. «Ученые записки» Ленинградского университета. Серия востоковедческих наук. 1948. Вып. 2, стр. 107—109.

²⁰ Д. В. Бубрих. Происхождение карельского народа. Петрозаводск. 1947, стр. 16.

была та же «чудь», для кривичей — весь (по преданию, Владимир крестил «и Мерску и Кривическу Весь, рекше Белозерскую»).

Проникнув по Свири в Онежское озеро, а отсюда по реке Водле до большого во-лока, с которого водные пути вели на Кеп-озеро со стоком в Онегу, новгородцы, может быть, еще в X в. оказались в Заволочье. В XII в. они здесь хозяйничали вовсю и ставили свои погосты. По укоренившейся, видимо, привычке называть «чудским» все нерусское население, встреченное на данном пути от Волхова до Заонежья, новгородцы нарекли и живших за волоком звучным именем «Заволочская чюдь». Тем самым они завещали потомкам не путать эту чюдь с прибалтийской, но и не видеть в ней нечто совершенно отличное от стародавних соседей новгородцев и ладожан.

И, надо сказать, на это новгородцы имели основания, вытекавшие, вероятно, из непосредственных наблюдений над новыми данниками. Действительно, если при сильно изменившейся этнической обстановке в XIX в. на Водлозере и без специальных исследований «бросается в глаза, что в большинстве селений, носящих финские названия, тип населения носит явные признаки финской расы — редкость бороды, небольшой рост, белокурость»²¹; если характерные «чудские» черты сохранились «в языке и в наружности жителей юго-западного побережья Онежского озера и реки Ояти, отличающихся от карел олонецких и повенецких, а в оятских деревнях чудский язык общеупотребителен»²², то почему бы это не могли заметить в еще более ярком проявлении новгородцы? В Прионежье они встретили и иное северное племя — лопарей (саамов), по языку, внешнему облику и укладу жизни разительно отличавшихся от прионежских и заонежских чудян. За волоком же обитали люди, во многих этнографических отношениях (даже в религии и имени главного бога Юмалы)²³ схожие с прибалтийско-финской чюдью. Следствием данного обстоятельства и явилось то, что психологи называют ассоциацией по сходству: заволочане тоже стали «чудью», хотя их подлинное этническое имя (или имена) так и осталось неизвестным.

Севернорусский фольклор сообщил «чудской» проблеме и еще один важный аспект: чюдь на севере и востоке — это не только похожие на прибалтийцев люди нерусского происхождения, но и вообще «язычники», противники церкви и феодальной дани, а также те неведомые «досельные» аборигены, что оставили после себя загадочные памятники культуры. Эти представления о чуди были восприняты от русских народом коми и лопарями. Но поволжские народы — мордва, марийцы, чувашы, татары и, видимо, удмурты — о чуди не имели никакого понятия. Ненцы Крайнего Севера от русских поморов тоже кое-что слышали о чуди, однако у них есть собственный «чудский» сюжет — об «ушедших в сопки» сиртях.

Совокупность этих отрывочных, смутных и просто легендарных данных давно породила в отечественной и зарубежной науке своего рода «чудиведческое» направление, к которому подключились представители различных дисциплин. От В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова до таких советских авторов, как Д. В. Бубрих и А. И. Попов, несколько поколений историков и лингвистов, этнографов и археологов стремились выяснить происхождение и исторические судьбы всех тех групп населения, которые в какой-то степени связаны с «чудской» проблемой. Последним большим исследованием является труд этнографа В. В. Пименова, подытожившего все прежние разработки и попытавшегося сквозь «чудскую» призму рассмотреть широкий аспект малоизвестной этнической истории вепсов²⁴.

Это исследование некоторым образом возвращает нас к старому спору о том, была ли летописная и легендарная чюдь этнически однородной массой на огромном пространстве от Прибалтики до Приуралья или же под именем чуди фигурировали различные этно-лингвистические группировки со сложной дифференциацией составляющих их более мелких единиц. Правда, чаще всего этот вопрос сужался до определения того, что же представляла собой в этническом отношении заволочская чюдь?

²¹ Н. Н. Харузин. Указ. соч., стр. 306.

²² Е. В. Барсов. Об олонецких древностях. «Олонецкий сборник». Вып. III, стр. 174.

²³ Судя по берестяной грамоте № 292, в Новгороде хорошо знали бога Юмалу (В. Л. Янин. Я послал тебе бересту... М. 1965, стр. 79).

²⁴ В. В. Пименов. Вепсы. (Очерк этнической истории и генезиса культуры). М.-Л. 1965. Здесь же дана историография «чудского вопроса».

Ответы были разные, но с середины XIX в. господствовало мнение знаменитого лингвиста М. А. Кастрена о причастности чудского языка к прибалтийско-финской группе. Продолжая его труд путем анализа древних заимствований в севернорусских говорах и целого ряда географических названий, звучащих на западнофинский лад, М. П. Веске писал: «Финское население (заволоцкая чудь) жило сплошной массой непременно до 1400 года или же еще дольше, так что карелы и другие принадлежащие к прибалтийской группе финские племена были непосредственными соседями предков нынешних зырян»²⁵.

Современные лингво-топонимические исследования вносят в эту характеристику серьезные уточнения. Трудом чл.-корр. АН СССР Д. В. Бубриха и его последователей доказано наличие островков древневепсской топонимики в Заонежье (на путях в Заволочье), на Каргопольщине и в Северодвинском бассейне. Обнаружились и другие свидетельства дорусских лексических связей заволочан, которые могут быть истолкованы на карело-вепсско-пермских (коми и в более широком плане) материалах. Вместе с тем изучение древней топонимики Европейского Севера показало, что громадное количество географических названий, несмотря на ряд общих черт, восходит к различным языковым источникам даже в рамках древнего финно-пермского типа. На уровне современных знаний можно сказать только то, что «язык Чуди Заволочской следует сблизить с прибалтийско-финскими языками» (именно сблизить, а не поставить между ними знак равенства), ибо есть уже данные о том, что «язык Чуди Заволочской по своему словарному составу значительно отличался от остальных прибалтийско-финских языков. Возможно, что он занимал как бы промежуточное положение между прибалтийско-финскими и волжско-финскими (мордовским и марийским. — Л. Л.) языками»²⁶.

Такой взгляд нам кажется наиболее приемлемым, ибо с точки зрения современной финно-пермской этногонии просто невероятно, чтобы столь обширная территория Онежского и Северодвинского бассейнов до прибытия сюда русских заселялась только одной этнической группировкой собственно прибалтийско-финского (в частности, древневепсского) происхождения. С отдаленных времен существовало несколько хорошо освоенных путей по рекам, ведущим в центральную и восточную части Заволочья непосредственно из Среднего Поволжья и Волжско-Камского бассейна, то есть из областей формирования поволжско-финских и пермских языков. Поэтому разве не правильнее было бы сказать, что на территории Заволочья сталкивались, контактировали и смешивались разноплеменные группы финно-пермского населения? Появление русских внесло существенные изменения в этнический состав Европейского Севера.

Иного взгляда придерживается В. В. Пименов, полагающий, что в преданиях о чуди нашли своеобразный отклик исключительно факты ранних русско-вепсских отношений от Прионежья до верховьев Северной Двины, ибо, по его мнению, «основным реальным этническим субстратом этой легендарной чуди были вепсские или чрезвычайно близко родственные им этнические образования, совершавшие свое движение из мест первоначального обитания (со стороны Онежского и Белого озер. — Л. Л.) на север и северо-восток»²⁷. Это утверждение кажется нам неверным, и вот почему: ни о каком движении вепсов на северо-восток русские предания не могли сообщить вплоть до появления самих русских за волоком. А позднее, когда часть древних заволочан действительно могла уходить под напором русских пришельцев, легенды, отразившие, возможно, это движение, ничего определенного об этнической принадлежности чуди не сообщают. И откуда это известно, что упоминаемые источниками XIII—XIV вв. явно «чудские», по севернорусской терминологии, Сура Поганая, тоимичи, пинежане, южане имели прямое отношение к племенам «вепсского» круга? Существуют, в частности, серьезные соображения относительно того, что тоимичи верхней части Северной Двины и южане бассейна р. Юг были этнически близки к древнепермскому населению Вятско-Камского и Вычегодского краев.

Во всяком случае, теперь мы определенно знаем, что «чудские» сюжеты распространялись из Северодвинского бассейна на восток по мере продвижения русских на

²⁵ М. П. Веске. Славяно-финские культурные отношения по данным языка. Казань. 1890, стр. 1.

²⁶ А. К. Матвеев. К проблеме происхождения севернорусской топонимики. «Вопросы финно-угорского языкознания». Сборник статей. М.-Л. 1964, стр. 191.

²⁷ В. В. Пименов. Указ. соч., стр. 155.

Вычегоду, в Приуралье и Припечорье. Коми-зырянские предания о чуди, обитавшей в Вычегодском крае повсеместно до того, как «образовался коми народ», очень напоминают русские сказания. Да и само имя «чуд» (у пермяков «чуть», «чучкõйез» — чудский народ) явно перенято коми от русских. Так же, как русские на Севере, коми рассказывают о гибели чуди преимущественно вследствие массовых самозахоронений в ямах-жилищах («чудгу») или о бегстве чуди в глухие леса на север и восток. Вместе с тем предания коми содержат и немаловажные отличия.

В русских сказаниях обычным мотивом являлась борьба между аборигенной чудью и пришлым русским населением, а также христианизация и этническое поглощение русскими остатков усмирённой чуди. Ведущая версия в известных нам преданиях народа коми гласит, что местная чудь отличалась от позднейших жителей коми своими «дикими» обычаями (по-коми особое выражение «чуд кодь» означает — нелюдимый, дикий, подобный скрытой чуди) и отрицательным отношением к православной вере. Чудские люди — это противники христианских проповедников (Стефана Пермского и др.), но отнюдь не самих коми.

Чудские древности — городища и могильники — вызывают у народа коми весьма почтительное отношение как места священные. По мнению коми-пермяков, чудь — это «важ отир» (прежний народ); «виль отир» (новый народ, пермяцкий) должен почитать его в качестве предков и совершать в его честь особый ритуал на «древних местах» («важ местаэз») ²⁸.

В Усть-Вымском районе Коми АССР в 1955 г. нами записано предание о том, что схоронившиеся в землю «чуди» понимали язык коми и сами на нем говорили: «Не тронь чужую кость!» — когда некоторые люди пытались раскопать их могилы в урочище Лекандийяг. Доводилось слышать и в других местах, что чудь — это те же коми, только «очень старые» и не признававшие в древние времена Стефана Пермского. Все эти рассказы исторически перекликаются с церковной письменной традицией, отраженной, например, в Вычегодско-Вымской летописи XVI—XVII вв., в которой противоборство христианизации приписано вовсе не чуди, а «пермским людям». Опираясь, видимо, на местную традицию, И. И. Лепехин еще в XVIII в. не без оснований писал о коми: «Народ сей был прежде того чудь, но во времена Стефана Великопермского просвещен святым крещением» ²⁹.

Имеется, кроме того, группа преданий о чуди, записанных на Крайнем Севере, в Припечорье. Различные авторы упоминают о «чудских пещерах» близ устья реки Индиги, а также в районе Пустозерска на низовьях Печоры. Своеобразным фольклорным «сплавом» различных по происхождению «чудских» сюжетов является любопытное предание, записанное в начале XX в. в Пустозерске: «Чудь тут раньше жила. Такие дикие люди были: в землях они жили, да потом образовались и на свет вышли, с русскими стали смешиваться. Вот теперь у нас фамилии Сумароковы, Хабаровы, Чукнины все от чуди пошли». На первый взгляд, это предание как будто бы повествует о печорских аборигенах — обитателях землянок («сиртях»). Но достаточно обратиться к «Книге платежнице Пустозерской волости» 1575 г., чтобы воочию убедиться в том, что «чудские» фамилии Сумароковы и Хабаровы значатся в списке здешних «пермяцких» семей, переселившихся на Печору из Перми Вычегодской.

Итак, ни один из ныне здравствующих или существовавших в средневековье народов уральской (финно-угро-самодийской) языковой семьи не может единолично претендовать на то, что легендарная чудь — это именно он (или его предки) и больше никто. Исследователям предстоит еще немало потрудиться над тем, чтобы раскрыть сложную чудскую проблему, хотя бы и в более узком плане «Чюди Заволочьской», но во всех ее возможных аспектах. Север нашей страны таит еще много исторических загадок.

Л. П. Лашук

²⁸ Л. С. Грибова. Культ «древних» у коми-пермяков. М. 1964, стр. 4.

²⁹ «Путешествия академика Ивана Лепехина», Ч. IV. СПб. 1805, стр. 282.